

УДК 821.112.2

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ ПОД ПОКРОВОМ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА

канд. филол. наук, доц., Т.М. ГОРДЕЁНОК
(Полоцкий государственный университет)
t.hardziayonak@psu.by

Исследуется идейно-художественное своеобразие баллады Ф. Шиллера «Саисское изваяние под покровом». В произведении особая роль отводится скрытому от глаз образу богини Изиды (Исиды), который позволяет автору воплотить основные просветительские понятия (Природа, Разум), представить свои размышления о познании и возможностях достижения истины. Покрывало Изиды выступает как символ с двойственной природой, который олицетворяет сокрытое знание, проводит границу между реальным и метафизическим миром, указывает на потенциальную опасность для человека. Рассматриваются различные варианты прочтения баллады. На основе привлечения теоретических трудов и ряда поздних произведений Шиллера выявляется соотношение свободы и судьбы в его эстетической программе периода «веймарского классицизма».

Ключевые слова: немецкая литература, Просвещение, образ женщины под покровом, природа, разум, свобода, судьба, символ.

Введение. Как известно, в художественных произведениях нередко используются повторяющиеся образы и сюжеты. Каждый автор стремится внести в такой сюжет что-то неповторимое: особый взгляд на проблему, видоизмененное содержание, новых героев или, скажем, иные средства языковой выразительности. Но вместе с тем каждый писатель выполняет одну задачу – отражает уникальный характер своего времени через призму собственных мировоззренческих принципов. В немецкой литературе к таким сюжетам и образам относятся, например, сюжет о Тангейзере, фаустовская тема, образ мамы Кураж. Не последнее место в этом ряду занимает образ женщины под покровом / женщины под вуалью (*die verschleierte Frau*).

Этот образ имеет богатое прошлое. Так, в шумеро-семитской традиции материальный мир был соткан Великой Богиней в виде полога. Согласно преданию Саломея исполняла свой танец семи вуалей. В греко-римской культуре вуаль являлась атрибутом Геры / Юноны, а в египетской мифологии – Изиды [1]. В христианстве покрывало ассоциируется в первую очередь с образом Пресвятой Девы Марии. Женщина под вуалью привлекала внимание художников (Александр Рослин, Пьер Огюст Ренуар, Жан-Леон Жером), скульпторов (Антонио Коррадини, Рафаэль Монти, Джованни Страцца), писателей (прежде всего, Плутарх, Апулей). Немалый вклад в развитие этого образа внесла немецкоязычная литература.

Основная часть. Образ женщины под вуалью встречается в произведениях многих немецких писателей. Это, во-первых, баллада Ф. Шиллера «Саисское изваяние под покровом» (*Das verschleierte Bild zu Sais*, 1795). С ней напрямую связана сказка о Гиацинте и Розенблут, которую Новалис включил в повесть «Ученики в Саисе» (*Die Lehrlinge zu Sais*, 1798–1799). Два десятилетия спустя уже в ином ключе образ разрабатывается Э.Т.А. Гофманом в новеллах «Обет» (*Das Gelübde*, 1817), «Ошибки» (*Die Irrungen*, 1821–1822), «Тайны» (*Die Geheimnisse*, 1821–1822). Вслед за романтиками к теме обращается австрийский драматург и писатель Г. фон Гофмансталь – сначала в незавершенной «Сказке о женщине в вуали» (*Das Märchen von der verschleierten Frau*, 1900), а затем в драме «Фалунский рудник» (*Das Bergwerk zu Falun*, 1900–1929).

Образ женщины под покровом приобрел особую известность и популярность в кругу романтиков благодаря балладе Шиллера «Саисское изваяние под покровом». В произведении речь идет о юноше, который, «стремясь постигнуть тайную науку / египетских жрецов» (перевод Е. Эткинда – Т.Г.) [2, с. 194], направился в Саис и увидел в храме «изваянье, / покрытое завесой» [2, с. 195]. Он спросил жреца, что скрывается за покрывалом, и был ошеломлен его ответом: «Это – истина» [2, с. 195]. Юноша не мог взять в толк, почему никто не решается поднять тонкую завесу, отделяющую людей от истины. Он потерял покой, лишился сна и, наконец, однажды ночью проник в храм Изиды, чтобы узнать сокрытую истину. Многие удерживало юношу от дерзкого шага – внезапная физическая слабость, чья-то незримая рука, собственный внутренний голос¹, но он все же сорвал покров с изваяния. Поступок этот имел весьма плачевные последствия: юноша был найден полумертвым у ног Изиды, перестал радоваться жизни и вскоре ушел в иной мир².

¹ «Da zuckt es heiß und kühl durch sein Gebein // Und stößt ihn weg mit unsichtbarem Arme // <...> In seinem Innern eine treue Stimme» [3, S. 25].

² «...Besinnungslos und bleich, // So fanden ihn am andern Tag die Priester // Am Fußgestell der Isis ausgestreckt. // <...> Auf ewig // War seines Lebens Heiterkeit dahin, // Ihn riss ein tiefer Gram zum frühen Grabe» [3, S. 25].

Баллада выдвигает на первый план ключевые понятия просветительской эстетики – Природу и Разум, неуклонно стремящийся к истине. Природа представлена у Шиллера образом египетской богини Изиды, чей промысел простирается на весь мир. Вот как описывал Апулей в своем романе «Метаморфозы, или Золотой осел» могущество Изиды: «На зов твой откликаются звезды, ты чередования времен источник, радость небожителей, госпожа стихий. Мановением твоим огонь разгорается, тучи сгущаются, всходят посева, поднимаются всходы. Силы твоей страшатся птицы, в небе летающие, звери, в горах блуждающие, змеи, в земле скрывающиеся, чудовища, по волнам плывущие» (XI, 25) [4, с. 298–299]. К уже перечисленным атрибутам необходимо добавить мудрость, ведь, по справедливому замечанию А.А. Захарова, Изида тысячекратно поражает многообразием функций [5]. Как пишет Плутарх, Изиде ведомо «священное слово», которое она «собирает, соединяет и передает посвященным в таинства» [6, с. 6]. Таким образом, богиня владеет ключом к истине, но знание это сокрыто от непричастных, как свидетельствует надпись на ее изображении в Саисе: «Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрова» [6, с. 11]. Просветителя Шиллера влечет идея о приобщении к истине, несмотря на трудности, с которыми сталкивается человеческий разум на пути к ней.

Мысль о богине Изиде долго занимала писателя, прежде чем реализоваться в балладе о саисском изваянии. Таинственная надпись на колонне в Саисе, которую Шиллер, по всей вероятности, почерпнул из сочинения Плутарха, упоминается сначала в этюде «Посланичество Моисея» (*Die Sendung Moses*, 1790), а несколько лет спустя в статье «О возвышенном» (*Vom Erhabenen*, 1793). В «Посланичестве Моисея» писатель, кроме того, изображает внутреннее убранство храма Изиды и говорит о «погребальных носилках, которые именовались гробом Сераписа и которые, должно полагать, являлись символом сокрытой истины <...>. Нести эти носилки было привилегией священников <...>. Никому кроме верховного жреца не позволялось открывать этот ларь или хотя бы к нему прикасаться»³ [7]. В балладе «Саисское изваяние под покровом» Шиллер в художественной форме реализует идеи, озвученные ранее в теоретических работах:

«Воскликнул он. – Я к истине стремлюсь,
А здесь она таится под завесой?»
«Об этом ты спроси богов, – сказал
Ему учитель. – Ни один из смертных,
Так боги молвят, да не смеет тронуть
Священной ткани дерзостной рукой,
Пока ее мы сами не поднимем.
А если человек сорвет ее,
Тогда...» – «Тогда?...» – «Он истину узрит». –
«Какой оракул странный! Неужели
И ты, ты сам не поднял этой ткани?» –
«Я? Никогда! И даже искушенья
Не испытал ни разу...» – «Я не в силах
Тебя понять. Ведь если отделяет
От истины лишь тонкая завеса...»
«Но и закон! – прервал его учитель. –
Весомее, чем мнишь, завеса эта.
Она, поверь мой сын, для рук легка,
Но тяжела для совести людской» [2, с. 195].

«Wie?» ruft jener,
«Nach Wahrheit streb ich ja allein, und diese
Gerade ist es, die man mir verhüllt?»
«Das mache mit der Gottheit aus», versetzt
Der Hierophant. «Kein Sterblicher, sagt sie,
Rückt diesen Schleier, bis ich selbst ihn hebe.
Und wer mit ungeweihter, schuldger Hand
Den heiligen, verbotnen früher hebt,
Der, spricht die Gottheit» –
«Nun?» – «Der sieht die Wahrheit.»
«Ein seltsamer Orakelspruch! Du selbst,
Du hättest also niemals ihn gehoben?»
«Ich? Wahrlich nicht! Und war auch nie dazu
Versucht.» – «Das fass ich nicht. Wenn von der Wahrheit
Nur diese dünne Scheidewand mich trennte –»
«Und ein Gesetz», fällt ihm sein Führer ein.
«Gewichtiger, mein Sohn, als du es meinst,
Ist dieser dünne Flor – für deine Hand
Zwar leicht, doch zentnerschwer für dein Gewissen» [3, S. 24].

Так что же открылось юноше, когда он поднял покрывало Изиды? На этот вопрос даже сам рассказчик не может дать ответ: «О том, что видел он и что узнал, / Он не поведал никому»⁴ [2, с. 196–197]. В письме к Г. Кернеру Шиллер пишет: «... мне трудно и непривычно спускаться до плоской ясности» [8, с. 219]. И хотя писатель говорит о впечатлениях от первой лекции, прочитанной им для студентов Йенского университета, но слова эти могут быть отнесены и к балладе о саисском изваянии, которую отличает принципиальная несводимость к однозначному ответу.

В литературной критике известны разные варианты прочтения данного произведения. Так, Б. фон Визе обращает внимание на уничтожающее и даже смертельное воздействие истины, которую ищет юноша. Это позволяет биографу Шиллера сделать вывод, что за покрывалом Изиды скрывается смерть, что смерть и истина тождественны друг другу [9, S. 605]. Дополнительный аргумент в пользу такой интерпретации баллады Б. фон Визе видит в жизненных перипетиях поэта, которого в 1791 г. настигла тяжёлая болезнь, мучившая и не отпускавшая его до конца дней.

Совершенно иное прочтение баллады предлагает философ и культуролог Р. Сафрански. В своей книге «Шиллер, или Открытие немецкого идеализма» он пишет: «...позади покрывала <...> может очень

³ Перевод наш. – Т.Г.

⁴ «Was er allda gesehen und erfahren, / Hat seine Zunge nie bekannt» [3, S. 25].

просто – ничего не скрывать. Вероятно, юноша из Саиса тоже открыл именно это – незначительность – и был напуган до смерти» [10, с. 329]. Подобная трактовка ставит под сомнение христианские основы, приближаясь к постулату атеистов о том, что после смерти ничего нет. Вряд ли такой радикальный подход был близок Шиллеру. Уже в романе «Духовидец» (*Der Geisterseher*, 1787–1789) он упоминает «непроницаемые черные завесы, опущенные у граней человеческого существования, за которые не дано проникнуть ни одному смертному» [11, с. 613]. Шиллер далее пишет: «Глубокая тишина царит позади этой завесы, никто из ушедших за нее не отвечает, и оттуда в ответ на вопрос можно услышать лишь гулкий отзвук собственного голоса, словно ты крикнул в пропасть» [11, с. 614]. Возникает вопрос: может, завеса действительно скрывает Ничто, может, «завеса эта – лишь обман для людей и за ней ничего нельзя видеть, потому что там ничего и нет» [11, с. 614]? Но далее писатель с иронией отмечает этот чересчур поспешный вывод.

Третьим вариантом является предположение З. Вильгельма, что юноша увидел под откинутым покрывалом самого себя. Если учитывать, сколь опечален он был после ночного визита к Изиде, то представшая картина будущего, «неприукрашенная и без всяких притворных ужимок» [12], не сулила юноше ничего хорошего. Он заглянул под маску, данную ему от природы, и увидел, как отмечает исследователь, свою внутреннюю сущность, которая лишила его всяких надежд, мечтаний и иллюзий.

Четвертым и самым предпочтительным, на наш взгляд, вариантом, является идея о границах человеческого познания, которая самым тесным образом связана с «вещью в себе» и с «вещью для нас» И. Канта. В балладе Шиллер показывает, что пылкий ум юноши стремится преодолеть заданные пределы и постичь абсолютную истину. С таким же энтузиазмом действует и гётевский Фауст, который мечтает об открытии тайны бытия. После встречи с Духом Фауст говорит:

«Я испытал в тот миг высокий
Такую мощь, такую боль!
Ты сбросил вниз меня жестоко,
В людскую темную юдоль» [13, с. 29].

Какая же тайная мука (*ein tiefer Gram* [3, S. 25]) терзает главного героя в балладе Шиллера? Можно предположить, что в храме Изиды преступившему закон юноше открылась внутренняя сущность явлений в их взаимосвязи, та самая «вещь в себе», которая недоступна человеческому разуму. Перед ним открылась возможность прямого созерцания истины, но именно этого перенести он и не смог. Отсюда, на наш взгляд, проистекают итоговые строки стихотворения:

«О, горе тем, – твердил он неизменно <...>
Кто к истине идет путем вины!
Она не даст отрады человеку»⁵ [2, с. 197].

«Weh dem», dies war sein warnungsvolles Wort, <...>
«Weh dem, der zu der Wahrheit geht durch Schuld,
Sie wird ihm nimmermehr erfreulich sein»

В своем стремлении к познанию юноша пошел путем Адама и Евы, которые поддались искушению и преступили запрет. Итоги этой ветхозаветной истории всем хорошо известны. Наказанию, как уже говорилось, подвергся и герой Шиллера за свое дерзновенное любопытство. Таким образом, баллада «Саисское изваяние под покровом» имеет не только ярко выраженный философский смысл, но приобретает также притчевый характер.

Обратим внимание на покрывало, которое закрывает лицо богини Изиды. В художественном произведении вуаль является, как, например, в новелле Гофмана «Обет», элементом женской одежды. Однако чаще вуаль (покрывало) выступает как символ, причем символ с двойственной природой, ведь скрываемое от глаз может быть при необходимости раскрыто. Вуаль (покрывало) – это олицетворение сокрытого знания, указатель пути от тьмы к свету, это знак внешней границы либо внутреннего предела, это символ отречения от земных устремлений либо элемент защиты от грозных сил. У Шиллера покрывало указывает на священную тайну, оно защищает людей от лицемерия голой истины, проводит линию между миром реальным и метафизическим.

В балладе понятия Природа и Разум тесным образом связаны с идеей свободы, которой Шиллер отводил весомое место в своей эстетической программе. В статье «О трагическом искусстве» (*Über die tragische Kunst*, 1792) писатель отмечает: «...все же для духа свободного и самоопределяющегося всегда унижительно и оскорбительно слепая покорность судьбе» [14, с. 50]. Значит ли это, что Шиллер отрицает судьбу как фактор, воздействующий на жизнь человека? Отнюдь. В отрывках из рукописного наследия писателя, которые датируются 1793 г., мы читаем: «Но мы люди, мы подвластны судьбе, мы живем в

⁵ «Weh dem, der zu der Wahrheit geht durch Schuld, // Sie wird ihm nimmermehr erfreulich sein» [3, S. 25].

подчинении законам» [14, с. 68]. Таким образом, в период «веймарского классицизма» понятия свободы и судьбы находятся у Шиллера в неразрывной взаимозависимости. Писатель говорит о наличии «связи вещей, возвышенного порядка, благостной воли» [14, с. 50], о «совершеннейшей целесообразности в великом целом природы» [14, с. 51]. Эта самая природа, частью которой является и человек, представляет собой полотно, где все переплетено в многообразном узоре, куда тонкой нитью вплетена и человеческая жизнь. В этом пестром полотне всякое деяние человека (свобода) возвращается к нему по принципу бу- меранга (судьба).

Свои теоретические рассуждения Шиллер воплощает и в художественных произведениях. Так, например, в эпиграмме «Ожидание и исполнение» (*Erwartung und Erfüllung*, 1796) говорится о больших надеждах молодости, о которых с грустью вспоминает старик, прошедший суровые испытания судьбы:

«Юноша в плаванье вышел на многомачтовом судне,
На уцелевшем челне в гавань вернулся старик» (перевод Е. Эткинда) [2, с. 215].

Другая эпиграмма Шиллера – «Человеческая деятельность» (*Menschliches Wirken*) – отражает похожую мысль:

«В самом начале пути беспредельные манят просторы;
Но настоящий мудрец к узкому кругу придет» (перевод Е. Эткинда) [2, с. 215].

В этот период Шиллер отходит от бунтарских настроений «Бури и натиска» и проповедует идею о добровольном самоограничении свободы. Такой подход является единственно разумным: человек должен признать подвластность судьбе, жить в подчинении законам, следить за чистотой своих помыслов, что и позволит ему ослабить тиски провидения. В противном случае судьба будет готовить ему суровые испытания без учета возраста, ранга и положения. Шиллер ярко демонстрирует это на примере Алоизия фон Г*** в рассказе «Игра судьбы» (*Spiel des Schicksals*, 1789) или герцога Валленштейна в одноименной трилогии (*Wallenstein*, 1799). Так, охваченный тревожными предчувствиями, Валленштейн восклицает:

«Какая перемена! Я недавно
Любую цель себе свободно ставил;
Но крайность нас жестоко подгоняет.
Суров неотвратимости закон!
Мы не без дрожи опускаем руку
В таинственную урну наших судеб.
Коль замысел коварный скрыт в груди,
Он – мой; но стоит лишь ему покинуть
Глубины сердца, где он зародился, –
Как в вихрях жизни, словно на чужбине,
Игрушкой он станет злобных сил,
Которых никому не усмирить» (перевод Н.А. Славятинского) [15, с. 235].

В балладе «Саисское изваяние под покровом» причины трагедии лежат в неумности устремлений юноши, в неукротимости его любопытства, в неумении ограничить себя, что и приводит к вероломному вмешательству в высшую целесообразность природы.

Заключение. Богиня Изида сначала упоминается в теоретических работах Шиллера «Посланичество Моисея» и «О возвышенном», несколько лет спустя ее образ разрабатывается в балладе «Саисское изваяние под покровом». Этот образ позволяет автору раскрыть понятия Природы и Разума, представить в произведении свои размышления о познании и возможностях достижения истины, указывает на тесную связь «веймарского классицизма» с античной культурой (Плутарх, Апулей). Балладу отличает принципиальная несводимость к однозначному объяснению, что такое истина. Истина может отождествляться со смертью либо пустотой, за которой ничто не скрывается. Согласно другим интерпретациям под покрывалом перед юношей предстала его собственная внутренняя сущность или суть явлений в их взаимосвязи («вещь в себе»), которая недоступна человеческому разуму. Покрывало Изиды выступает как символ с двойственной природой, который олицетворяет сокрытое знание, проводит границу между реальным и метафизическим миром, указывает на потенциальную опасность столкновения человека с голой истиной.

В период «веймарского классицизма» понятия свободы и судьбы находятся у Шиллера в неразрывной взаимозависимости. Писатель говорит о связи вещей, о целесообразности всех явлений в природе и выдвигает мысль о том, что свобода, выраженная в деяниях человека, прямо пропорциональна воздействию судьбы. Такой подход воплощается не только в статьях по эстетике, но и в художественных произведениях (баллада «Саисское изваяние под покровом», эпиграммы, рассказ «Игра судьбы», трилогия «Валленштейн»). Шиллер выдвигает идею о добровольном ограничении свободы как средстве достижения гармонии в мире и способе счастливого разрешения конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь символов [Электронный ресурс]. – 2000–2016. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/simvol/>. – Дата доступа: 23.12.2016.
2. Шиллер, Ф. Собрание сочинений : в 7 т. / Ф. Шиллер. – М. : Худож. лит., 1955. – Т. 1 : Стихотворения. Драммы в прозе. – 780 с.
3. Schiller, F. Gedichte: 1789–1905 / F. Schiller. – Berlin, 2013. – 174 S.
4. Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел / Апулей ; пер. с лат. М. Кузмина. – СПб. : Лениздат, Команда А, 2012. – 352 с.
5. Захаров, А.А. Молитвы к Исиде [Электронный ресурс] / А.А. Захаров. – Режим доступа: <http://annales.info/egipet/small/Isis.htm>. – Дата доступа: 25.12.2016.
6. Плутарх. Исиды и Осирис / Плутарх ; составл., подгот. к изданию и оформл. С.И. Еремеева. – Киев : УЦИММ-ПРЕСС, 1996. – 250 с.
7. Schiller, F. Die Sendung Moses [Электронный ресурс] / F. Schiller. – Режим доступа: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-sendung-moses-3319/1>. – Дата доступа: 25.12.2016.
8. Шиллер, Ф. Собрание сочинений : в 7 т. / Ф. Шиллер. – М. : Худож. лит., 1957. – Т. 7 : Письма. – 786 с.
9. Wiese, B. v. Friedrich Schiller / B. v. Wiese. – 3. Aufl. – Stuttgart : Metzlersche Verlangsbuchhandlung, 1963. – 866 S.
10. Сафрански, Р. Шиллер, или Открытие немецкого идеализма / Р. Сафрански ; пер. с нем. А. Гугнина. – М. : Текст, 2007. – 558 с.
11. Шиллер, Ф. Собрание сочинений : в 7 т. / Ф. Шиллер. – М. : Худож. лит., 1956. – Т. 3 : Драммы. Проза. – 700 с.
12. Wilhelm, S. Zur Beziehung von Textverständnis und Seinskenntnis: Eine Diskussion am Beispiel von Friedrich Schillers Gedicht "Das verschleierte Bild zu Saïs" [Электронный ресурс] / S. Wilhelm. – Режим доступа: <http://www.sigisseiten.de/Schiller-Bild-zu-Sa-s/1,000000882850,8,1>. – Дата доступа: 27.12.2016.
13. Гёте, И.В. Собрание сочинений : в 10 т. / И.В. Гёте. – М. : Худож. лит., 1976. – Т. 2 : «Фауст». Трагедия ; пер. с нем. Б. Пастернака. – 510 с.
14. Шиллер, Ф. Собрание сочинений : в 7 т. / Ф. Шиллер. – Т. 6 : Статьи по эстетике. – М. : Худож. лит., 1957. – 792 с.
15. Шиллер, Ф. Валленштейн. Драматическая поэма / Ф. Шиллер ; отв. ред. Б.И. Пуришев. – М. : Наука, 1980. – 592 с.

Поступила 27.02.2017

FIGURE OF A VEILED WOMAN IN SCHILLER'S HERITAGE

T. HARDZIAYONAK

Fictional peculiarities of F. Schiller's ballad 'Das verschleierte Bild zu Saïs' are studied. In this work a special role is given to the image of goddess Isis. It allows the author to depict the main categories of the Enlightenment (Nature, Reason) and introduce his thoughts about cognition and some abilities for arriving at the truth. Isis's veil is a symbol of dual nature which embodies secret knowledge, draws a boundary line between the real and the metaphysical worlds, states a potential danger for a person. Several versions of the ballad interpretation are considered. Involving a number Schiller's theoretical and late fictional works a correlation of fate and freedom in his aesthetic program of Weimar Classicism period is pointed out.

Keywords: *German literature, Enlightenment, figure of a veiled woman, nature, reason, freedom, fate, symbol.*